

То ряд имен литературных, то коммивояжеров ряд

КоммерсантЪ - daily, - 1997, - 11 окт - с. 9

Вышли воспоминания Пяста о «серебряном веке»

Книга Владимира Пяста «Встречи» рассказывает о литературном быте и писателях начала века. Драгоценный культурный сор былых времен, бытовые жесты, осознаваемые как произведения искусства, наивное сознание собственной значительности, свойственное людям «серебряного века», для нас являют любопытную картину.

Читатель, наверное, помнит, как на закате советской эпохи выходили внушительные тома, чуть ли не каждое слово которых разжевывалось в дотошных комментариях. Составители, видимо, считали советского человека полным идиотом. Иначе непонятно, зачем они с угрюмой методичностью поясняли, что Аполлон — греческий бог, покровитель искусства, Чернышевский — революционный демократ, Есенин — крестьянский поэт. В андерграунде даже появилась пародия: к страничке текста — многостраничные коммента-

рии, специально для наивного потребителя изящной словесности.

Тем не менее книжка Пяста в комментариях нуждается. Дело даже не в отдельных неточностях и беглых оценках, а в том, что автор постоянно отсылает нас к другим, сегодня забытым мемуарам. Нелишне было привести выдержки из них и для полноты картины скорректировать мнения Пяста другими высказываниями.

Пяст пишет о «серебряном веке» живо и буднично: множество деталей, второстепенных подробностей, а о «душе культуры» ни слова. Вот знаменитая «башня» Вячеслава Иванова. Здесь ночи напролет спорили о литературе. Однажды пришли с обыском, и филер украл дорогую бровровую шапку у Мережковского. Пострадавший обратился к премьер-министру Витте. Открытое письмо было озаглавлено: «Куда девалась моя шапка?»

Эпизод в литературном кафе «Бродячая собака». Недюжинный шахматист Цыбульский в компании со сво-

Портрет Владимира Пяста работы Юрия Анненкова

ими приятелями и Бальмонтом перебрал. «И уже раздался характерный для него в первой стадии опьянения храп.

— Ну уж, смотрите, какой хам, — заговорил друг Цыбульского беспкойным и извиняющимся тоном. А Бальмонт, со всегдашней своей надменностью (медленно, в нос):

— Не могу понять, когда одна буква „а“ возмущается действиями другой такой же буквы».

Литературные отношения, по Пясту, строятся из театральных жестов и возвышенных фраз. Возникшая между литераторами тонкая связь держится на волоске. Достаточно неосторожного слова, движения, и многолетняя дружба рассыпается как картонный домик: приятеля перестают звать на вечера, его просто не замечают. Движимые гордыней мэтры свысока дают наставления малоизвестным современникам. Делается это, конечно, внешне корректно, но впечатление духоты остается.

Пяст писал воспоминания в годы коллективизации. Музыка, вдохновлявшая его в 1900–1910-е годы, бесследно исчезла, и только мелочи ушедшей жизни еще волновали. Из своей памяти, он выудил драгоценные подробности, истории и рассказы, прозвучавшие ностальгически и несколько по-стариковски.

Не с этим человеком дружил Блок. Тот мыслил и чувствовал по-другому. Достаточно полистать дореволюционного Пяста, чтобы увидеть, что в нем «рыдало, гибло и боролось». Мелодии, переполнявшие его душу и выплеснувшиеся в перепутанный синтаксис стихотворений, может быть, можно передать дневниковой записью Блока: «Осень — уединение, долгота мыслей — Пяст...»

БОРИС КОЛЫМАГИН

Пяст Владимир. Встречи. — М.: Новое литературное обозрение, 1997.